

Обсуждение книг было назначено на время после ужина.

Поскольку в литературном салоне принимало участие более тридцати человек, пиршество устроили с небывалым размахом: длинный стол буквально ломился от изобилия, на нём красовалось более сотни различных блюд.

Как поясняли слуги, гостям предлагали имитацию черепахового супа, нежнейшее филе тюрбо под густыми сливками, жареную камбалу под пикантным соусом, зайчатину, лобстеров, запеченную оленину и телятину. Подавали также сочный коровий огузок, жареную птицу, отварной окорок, перепелов и жаворонков — казалось, повара собрали всё, что летает в небесах, бегают по земле или плавает в глубинах вод. Стол дополняли всевозможные пироги с солеными и сладкими начинками, прозрачные желе, муссы, ледяные пудинги и воздушное суфле.

Красное вино было доставлено из поместья Кэмпбелл и отличалось превосходным качеством. По словам мистера Холтона, бутылка такого напитка стоила на рынке не менее ста золотых фунтов.

Несмотря на это гастрономическое великолепие, Линь Уцзю оставался равнодушен. Будь его воля, он предпочел бы перекусить у уличного лоточника. Причиной тому был неимоверно сложный и утомительный обеденный ритуал, принятый в высшем обществе.

Время подачи блюд, строгая очередность, распределение еды с учетом причуд каждого гостя, моменты подачи вин, расстановка приборов, правила соседства за столом и даже подобающая осанка — всё было жестко регламентировано. Малейшее отступление от этих правил считалось недопустимым.

Дженни с нескрываемым изумлением наблюдала за тем, как юноша ловко нарезает мясо для графини Кэмпбелл.

— Никогда бы не подумала, что ты можешь быть таким обходительным, — шепнула она.

Светский этикет предписывал супругам сидеть порознь (хотя общаться им не возбранялось), а места за столом распределялись по принципу чередования дам и кавалеров. Поскольку в обществе царил культ поклонения женщине, каждый джентльмен был обязан всячески опекать свою соседку.

В памяти Дженни Лэнс Кавендиш запечатлелся как человек, весьма далекий от светских условностей. Достаточно было вспомнить его привычку выходить в свет в мятой рубашке и с вечным «вороньим гнездом» на голове. Раньше она считала его лишь неряшливым и чудаковатым художником.

Однако сегодня на званом ужине Лэнс Кавендиш преобразился: он был безупречно вежлив, предупредителен и строго следовал правилам приличия. Он ухаживал за графиней Кэмпбелл с грацией истинного аристократа: вовремя наполнял бокал, подавал закуски и нарезал жаркое, идеально выполняя все требования этикета. Девушка ожидала, что он будет вести себя как обычно — своенравно и с вызовом, не обращая внимания на окружающих.

Линь Уцзю подал графине тарелку с нарезанным стейком и с улыбкой взглянул на собеседницу, не совсем понимая причину её удивления. Он всегда старался быть джентльменом в присутствии дам. К тому же, как бы он ни презирал подобные условности, он прекрасно понимал: в каждом месте — свои правила. Линь пришел сюда, чтобы заявить о своей книге, а не устраивать эпатажный перформанс.

Когда беседа об изящной словесности и искусстве немного утихла, графиня Синтия вкрадчивым голосом начала новую тему:

— Поговаривают, рабочие уже собрали сотни тысяч подписей под своей петицией.

— По последним сведениям — полтора миллиона, — отозвался пожилой джентльмен с редующими волосами. Его круглое лицо сияло добродушной улыбкой. — Парламент проявляет к ним излишнюю снисходительность, вот они и забыли своё место. Возможно, эти люди неплохо разбираются в шестернях и поршнях, но политика?..

Он покачал головой. Несмотря на неизменную вежливую улыбку, слова его были лишены всякого сочувствия:

— Это не то, что способны постичь их умы, и уж точно не то, к чему им позволено прикасаться.

Его слова тут же вызвали волну одобрения среди присутствующих.

— Нашей страной могут управлять лишь элиты, получившие достойное образование.

— Даровать всеобщее избирательное право? Позволить невежественным беднякам распоряжаться в парламенте? Боже правый, это же сущий кошмар!

— Испокон веков государством управляли молодые люди благородного происхождения, избранные Его Величеством. Это закреплено в конституции. И сколько бы миллионов подписей они ни собрали, это нелепое прошение никогда не будет одобрено ни императором, ни парламентом.

— По мне, так следовало бы отправить полицию и арестовать всех этих смутьянов. Нужно немного сбить с них спесь, чтобы они вспомнили о добродетели смирения.

Холтон высказался еще резче:

— Если когда-нибудь мне придется заседать в одном зале с этим грязным отребьем, я скорее выброшусь из окна парламента!

Линь Уцзю посмотрел на него.

«Надеюсь, ты сдержишь слово»

На протяжении всего разговора графиня Синтия хранила молчание, лишь внимательно слушая гостей. Линь тоже помалкивал, с интересом наблюдая за выражениями их лиц и пополняя свою копилку образов.

«Как иронично»

Именно этим высокомерным аристократам предстояло стать первыми настоящими читателями «Мести Джека». Как они воспримут его труд? Найдут его скучным из-за неспособности сопереживать? Сочтут, что эта книга оскорбляет их взор? Или же прольют лицемерные слезы, желая продемонстрировать благородство своей натуры?

Конечно, оставалась крошечная вероятность, что «Месь Джека» тронет их по-настоящему. Саймону книга искренне понравилась, но он был выходцем из среднего класса и сам когда-то писал. А что же графиня? Как она на самом деле относится к его творчеству? Были ли её слова похвалы искренними или всего лишь данью вежливости?

Увы, по её лицу невозможно было ничего прочесть.

«Только бы графиня Кэмпбелл не оказалась типичной светской дамой. Это было бы слишком скучно»

Ужин подошел к концу. Слуги споро убрали посуду и меняли цветы на столе. Несмотря на глубокую осень, обилие живых растений в вазах наглядно демонстрировало колоссальное богатство хозяйки.

Затем графиня Кэмпбелл поднялась и вместе с другими дамами покинула столовую, чтобы выпить кофе в гостиной. Мужчины же остались за столом, чтобы пригубить вина или бренди и предаться сугубо мужским разговорам.

Холтон немедленно извлек из кармана трубку и с наслаждением окутался клубами дыма. Его примеру последовали многие. Поскольку запах табака пропитывал волосы и платья дам, курить в их присутствии считалось дурным тоном. Дома джентльмены обычно удалялись для этого в кабинет или сад.

Линь Уцзю едва заметно поморщился. Сначала его «замариновал» уличный смог, теперь же он оказался в плотном кольце табачного дыма. Он украдкой оглядел пожилых господ, увлеченно

дымящих сигарами, и подумал, что их легкие, должно быть, обладают сверхъестественной живучестью, раз они дотянули до своих лет.

— Саймон, где ты отыскал этого юного господина? Хорошо же ты его прятал, — обратился к редактору тот самый круглолицый старик, зажимая в зубах сигару. — Давай же, представь его нам как следует.

Холодное выражение лица Саймона сменилось почтительной улыбкой, что заставило Линя удивленно взглянуть на него.

— Сэр Фоксен, позвольте представить: мистер Лэнс Кавендиш, чрезвычайно одаренный автор. Его роман «Мечь Джека» скоро выйдет в свет, и мы были бы крайне признательны, если бы вы оценили его по достоинству.

Фоксен добродушно рассмеялся:

— Разумеется! Если вы с Синтией так настойчиво рекомендуете это произведение, мне уже не терпится с ним ознакомиться.

Другой джентльмен средних лет вежливо добавил:

— У Синтии и Саймона весьма придирчивый вкус. То, что в столь юном возрасте вы написали вещь, вызвавшую их общий восторг, можно назвать лишь талантом гения. Уверен, ваш дебют произведет фурор.

Фитч Холтон постучал трубкой о край пепельницы и с недовольным видом вклинился в разговор:

— Молодость — это бесспорно, но гениальность — под вопросом. Вы еще не читали книгу, так откуда такая уверенность в успехе?

Он посмотрел на Линя свысока, приняв позу умуренного опытом наставника:

— Молодой человек, как ваш старший коллега, я дам вам несколько советов позже. Это для вашего же блага: помогу вам осознать пропасть между любителем и профессионалом. Не стоит питать напрасных иллюзий, лучше ставить перед собой более приземленные цели.

Сэр Фоксен выпустил облако дыма и усмехнулся:

— Верно, Фитч в этих делах мастер. Раз уж вы, Лэнс, так хвалили его труды, вам будет полезно обменяться мыслями.

Линь Уцзю смиренно склонил голову. В этот момент джентльмен, до этого отвечивавший ему комплименты, снова спросил:

— В каком жанре написана ваша книга? О чём она?

— О нет, Спинду! — шутливо запротестовал кто-то. — Не заставляйте автора раскрывать сюжет заранее!

— Не беспокойтесь, я не выдам всех тайн, — Линь Уцзю улыбнулся шире. — Скажу лишь, что мой роман — это история о рабочих.

— О рабочих? — Сэр Фоксен казался искренне изумленным. Линь уловил в его взгляде мимолетную тень неудовольствия. — Что ж... весьма своеобразный выбор темы.

Остальные джентльмены закивали, подхватывая тон:

— Любопытный подход. Очень оригинально.

— Весьма смелое решение.

— Неординарный выбор.

Холтон скривил губы в насмешливой ухмылке:

— Молодость всегда тяготеет к «оригинальности».

Слушая их «похвалы», Линь Уцзю невольно вспомнил диалог из одного старого сериала о политиках:

«— Это очень оригинальная и смелая идея!

— Вы её поддерживаете?

— О нет. В устах государственного мужа эти слова означают сокрушительную критику»

Линь с трудом подавил желание расхохотаться. Ему казалось, что он сам стал героем подобного сюжета. Это вызвало в нём даже некоторую ностальгию.

Саймон, разумеется, прекрасно понял подтекст их слов и поспешил на защиту:

— «Мечь Джека» — по-настоящему выдающийся труд. Хотя главный герой — простой рабочий, в книге поднимаются глубочайшие вопросы человеческой природы, морали и закона. Это очень серьезное произведение.

Как и следовало ожидать, сэр Фоксен нахмурился. Он обменялся с остальными едва заметными взглядами, и его улыбка стала еще более двусмысленной:

— О, я не сомневаюсь. Наверняка даже у рабочих есть свои «глубины».

Он поднялся с места:

— Что ж, господа, время идет. Пора перебираться в гостиную и присоединиться к дамам для обсуждения последних новинок.

Саймон встал, выглядя крайне обеспокоенным. Несмотря на непоколебимую веру в талант Линя, он не мог не тревожиться. Было очевидно, что все присутствующие так или иначе предубеждены против рабочего класса. Неужели это ослепит их и помешает оценить истинную ценность романа?

<http://bllate.org/book/15857/1441072>